

В.А. БОЛДИН, И.С. ПАЛИТАЙ, А.Ф. ЯКОВЛЕВА*

**СЛАВЯНЕ ИЛИ ЕВРОПЕЙЦЫ?
МОЛОДЕЖЬ БОЛГАРИИ И СЕРБИИ
В УСЛОВИЯХ ИДЕЙНО-ЦЕННОСТНЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹**

Аннотация. Статья содержит часть результатов пилотного исследования, решающего задачу выявления ключевых образов, ценностей и символов, формирующих славянскую идентичность молодежи России и стран Восточной Европы. От того, как в конкретном обществе сосуществуют (или конфликтуют) смыслы и ценности, имеющие различные уровни и ориентации – «общечеловеческие», «общеευропейские», «национальные» и пр., зависят его ценностные ориентации и процесс трансформации идентичности. Славяне являются одной из крупнейших этноязыковых общностей в Европе, имеют древнюю и богатую историю взаимодействия как друг с другом, так и с другими народами. В статье отражен дискус-

* **Болдин Владимир Алексеевич**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Государственный академический университет гуманитарных наук (Москва, Россия), e-mail: boldin.v.a@gmail.com ; **Палитай Иван Сергеевич**, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Государственный академический университет гуманитарных наук (Москва, Россия), e-mail: 8321532@gmail.com ; **Яковлева Александра Федоровна**, доцент, почетный профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук (Москва, Россия), e-mail: afyakovleva@gmail.com

¹ Исследование выполнено в рамках проекта ZNF-2022-0014 «Славянская идентичность как основа формирования политического диалога в условиях международной напряженности: проблемы и перспективы (на примере России, Сербии и Болгарии)», реализуемого в ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» по итогам отбора научных проектов, проведенного Министерством науки и высшего образования РФ и ЭИСИ.

© Болдин В.А., Палитай И.С.,
Яковлева А.Ф., 2023

DOI: 10.31249/poln/2023.02.10

сионный характер вопроса о том, можно ли, и если да, то каким образом исследовать славянскую идентичность. Помимо теоретической части, авторами в ходе эмпирической части исследования были проведены формализованные интервью с представителями молодежи Сербии и Болгарии, направленные на выявление ценностно-смысловой структуры понятия «славянская идентичность», системы национальных и европейских ценностей, политических, идеологических и идентификационных ориентаций. Объектом исследования стала молодежь двух стран, которая в своем повседневном жизненном опыте постоянно сталкивается с теми или иными образами и символами, что в итоге влияет и на их самоидентификацию. В качестве гипотезы был выдвинут следующий тезис: в среде молодежи указанных стран зачастую сосуществуют два уровня ценностей, «европейские» и «национальные», в данном случае «славянские». Пилотное исследование позволило выявить, что без подкрепления «прагматическими» и понятными социально-экономическими предпочтениями славянская идея не является актуальной и понятной для молодежи, оставаясь культурным феноменом, хотя и не лишенным политического потенциала в будущем.

Ключевые слова: славянская идентичность; ценности; смыслы; символы; Сербия; Болгария; трансформации идентичности.

Для цитирования: Болдин В.А., Палитай И.С., Яковлева А.Ф. Славяне или европейцы? Молодежь Болгарии и Сербии в условиях идейно-ценностных трансформаций идентичности // Политическая наука. – 2023. – № 2. – С. 234–253. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.10>

Постановка проблемы

На сегодняшний день очевидным является тот факт, что традиционное пространство ценностей, лежащее в основе формирования идентичности, меняется. Между тем именно от него во многом зависит то, как в конкретном обществе сосуществуют (или конфликтуют) смыслы и ценности, имеющие различные уровни и ориентации – «общечеловеческие», «общеевропейские», «национальные» и пр. Эти смыслы и ценности по-разному воспринимаются в Восточной Европе разными социальными, национальными и прочими группами, среди которых особое место занимает молодежь. От того, какие смыслы станут главными в ее сознании, зависят ее ценностные ориентации, а в условиях напряженных международных отношений, вполне возможно, что и судьбы наших стран.

Говоря о процессе формирования смыслов и ценностей, важно отметить, что это не стихийный, а сознательный процесс, большая роль в котором принадлежит общественным институтам, начиная с семьи и кончая государством. Воздействие на данный

процесс представляется особенно актуальной задачей в контексте трансформаций коллективной памяти и идентичности больших социальных групп, к которым, безусловно, относится молодежь. Однако прежде необходимо понять, что влияет на превалирование тех или иных ценностей (традиционных / посттрадиционных, национальных / наднациональных и т.д.) в качестве конституирующего элемента в самосознании современной молодежи, и как формирование той или иной ценностной матрицы у молодого поколения скажется на дальнейшем межкультурном и межстрановом диалоге, что особенно важно в контексте усиления международной напряженности и выстраивания новой архитектуры международных отношений.

Споры вокруг «идентичности»

В настоящее время существует немало работ зарубежных и отечественных исследователей, посвященных анализу состояния общества с различных точек зрения. Вопросы внутренней сплоченности, уровня социального согласия, наличия в нем социального и политического консенсуса, расколов или размежеваний исследовали Р. Инглхарт и К. Вельцель, С. Липсет и С. Роккан, А. Реммеле, Ф. Шмиттер. Отечественные исследователи фокусируют внимание в основном на динамических изменениях в направлении интеграции и консолидации или дезинтеграции и дифференциации [Федотова, 2011, с. 56–65; Бродовская, 2010, с. 83–93; и др.].

Обозначенные проблемы во многом связаны с категорией идентичности, которая, выйдя из психологии, была «популяризирована» в социальном и политико-культурном измерении благодаря целой плеяде таких исследователей, как Б. Андерсен, Э. Гидденс, П. Бурдьё, М. Кастельс, А. Мелуччи и др. Данное понятие в политической науке позволило «соединить индивидуальный и надиндивидуальный (на уровне групп, больших и малых сообществ) срезы политического сознания и поведения и отразить одновременно и динамику, и состояние общественных настроений, и сопряженную с ними рефлексию их носителей» [Семененко, 2011, с. 8], послужив тем самым инструментарием, с помощью которого выявлялись «механизмы влияния ценностных ориентаций на эво-

люцию социальных и, в частности, политических институтов» [Семененко, 2011, с. 8].

Между тем уже в конце прошлого века понятие «идентичность» обладало чрезмерной многозначностью интерпретаций, на что указывал в своей программной статье В.С. Малахов «Неудобства с идентичностью» [Малахов, 1998]. Позднее, в 2000 г., была опубликована статья Р. Брубейкера и Ф. Купера – одна из самых цитируемых работ на эту тему [Brubaker, Cooper, 2000, p. 1].

Несмотря на попытки исследователей развить концепт идентичности за счет тщательно прописанных понятий идентификации, категоризации, самосознания, общности и групповой принадлежности, преодолеть проблему не удалось. Все это нашло свое отражение в «многоаспектности» проблем, описываемых с помощью понятия «идентичность». Так, примерно с середины 2000-х годов исследования по данной тематике ассоциируются с политической мобилизацией, в основе которой – политизация тем «этничности», гендера, религии, расовых и межэтнических отношений [Попова, 2013]. Однако параллельно, в рамках областей, где исследуются государственные институты и политическое управление, развивается интерес, подталкивающий к установлению взаимосвязи управления и «идентичности» – в теории и на практике [Ачкасов, 2013]. Иными словами, внимание экспертов привлекают вопросы единства и устойчивости политических сообществ, организованных рамками государственных и иных институтов [Соловьёв, 2016], а также то, как можно обеспечить эти единство и устойчивость [Семененко, 2017; Тишков, 2013] и что лежит в их основе, в том числе на глубинном, политико-психологическом уровне [Малинова, 2012].

В зарубежной литературе концептуальная реконструкция «идентичности» также получила распространение в связи с проблемами политической коммуникации, публичного администрирования и поисков достижения социального согласия [Béland, 2017; Bernstein, 2005 и др.).

Что касается понятия «национальная идентичность», то оно является, с одной стороны, одной из наиболее распространенных и употребляемых категорий как внутри политической науки, так и в более широком общественно-политическом дискурсе. Однако, с другой стороны, в профессиональном сообществе не утихают дискуссии относительно его наполнения, при этом утвердившиеся

конструктивистские представления о «нации» и «национальной идентичности» вновь становятся объектом критики современных авторов (например, [Smith, 2009]). Одной из попыток обобщить имеющиеся авторские подходы стало недавнее исследование, предложившее «дискурсивно-конструктивистское» определение национальной идентичности как «клишированный элемент публичного дискурса, обращение к которому подразумевает наличие политической ассоциации, базирующейся на чувстве принадлежности к “нации” и на проистекающей из этого чувства общности ценностей, убеждений и моделей поведения» [Телин, Филимонов, 2020, с. 36].

В российской практике исследований необходимо отметить политико-психологический подход к изучению национально-государственной идентичности, который разработан Т.В. Евгеньевой [Евгеньева, 2010] и В.В. Титовым [Титов, 2017]. В контексте нашего исследования именно он обладает наибольшим эвристическим потенциалом, поскольку здесь «идентичность» понимается, с одной стороны, «как некий целостный образ, который человек формирует о самом себе, сопоставляя себя с другими индивидами» [Эриксон, 2006], а с другой – как «способность человека воспринимать свое поведение и жизнь как связанное единое целое в процессе взаимодействия с другими, и воспринимать себя с точки зрения окружающих, т.е. осуществлять “принятие роли другого”» [Mead, 1950]. Подобный подход позволяет учитывать и анализировать такие важные составляющие национальной идентичности, как неосознаваемые компоненты политико-культурной матрицы (национальный менталитет, стереотипы, архаические идентификационные формы, неосознаваемые элементы социальных представлений индивида о собственной групповой принадлежности и т.д.); культурно-символические компоненты (доминирующие в обществе ценности и образы, символическое пространство идентификационного выбора); конструируемые компоненты (возможность государства как центрального института политической системы воздействовать через концептуализацию идеологического поля и проводимую информационную политику на идентификационный выбор и политическую самоидентификацию граждан) [Евгеньева, Титов, 2010, с. 122].

Теоретические основания исследования «славянской идентичности»

В последние годы в Европе «славянский вопрос» был весьма значим при определении политической повестки дня в связи с историко-культурным, политическим и этноконфессиональным многообразием и разнородностью славянского мира. Славяне являются одной из крупнейших этноязыковых общностей в Европе, имеют древнюю и богатую историю взаимодействия как друг с другом, так и с другими народами [Болдин, Страхов, 2020]. Доказательством этому может служить тот факт, что различного рода процессы, имевшие место в славянском мире, сказывались на положении дел в Европе, да и в мире в целом.

Между тем на протяжении истории славянские страны часто испытывали на себе сильнейшее идейное и культурное влияние: от угрозы культурной ассимиляции в XIX в. до процессов глобализации в XXI в. Одной из реакций на потерю государственности и угрозу культурной ассимиляции стало появление идеологии панславизма у западных славян в XIX в., целью которой объявлялось противодействие этим процессам и, возможно, обретение политической независимости в будущем [Болдин, 2018, с. 79].

Панслависты исходили из того, что в общественном сознании существуют единые для славянских стран ценности и смыслы, что может лечь в основу их духовного и политического единства (об актуальных дискуссиях см. также: [Đorđević et al, 2021; Đorđević et al, 2022; Казаринова, 2018; Кацис, Одесский, 2011; и др.]). Однако реальный политический и исторический процесс если не поставил под сомнение само существование общеславянской идентичности, то уж точно заставил задуматься о том, а есть ли она в самом деле, или же идея об общем славянстве, едином духовно и политически, является не более чем утопической конструкцией [Болдин, Страхов, 2020].

Вопрос о том, можно ли исследовать славянскую идентичность и как это делать, является дискуссионным [Савицкий, 2017; Лескинен, 2013; Щербинин, Щербинина, 2015; Hall, Jackson, 2007; Smith, 1991]. Вслед за Л. Суханеком мы можем согласиться, что славянский мир представляет собой бесспорное единство лишь в лингвистическом и географическом плане [Suchanek, 2017].

Важно отметить, что изучение идентичности традиционно базируется на трех составляющих: *образах, ценностях и символах*. Если сосредоточиться лишь на определении ценностных констант внутри славянской идентичности, то исследователь сразу столкнется с двумя проблемами – что считать «славянскими» ценностями и можно ли их противопоставлять «европейским»? Так, болгарский исследователь О. Загоров развивает идею, согласно которой славянская идентичность есть одно из проявлений европейской идентичности, а традиционные ценности славян могут спасти европейскую идентичность от негативных эффектов глобализации [Загоров, 2020]. Кроме того, ценности плохо вербализируются. Поиск решений описанных проблем осложняется тем, что представления о славянах как едином культурно-историческом типе, со своими особенностями национального характера и ментальности, начинают складываться в работах славянских мыслителей XIX в. под влиянием идей немецкого романтизма. В попытках «удревнить» славянскую историю, романтизировать ее, противопоставив ее немецкой («европейской»), деятели «славянского Возрождения» пытались решить вполне очевидную политическую задачу – не допустить культурной ассимиляции и потери национальной идентичности. По сути, мыслители XIX в. сконструировали «славян» заново, сформировав чувство славянской самоидентификации у тех, кто таковыми себя мог до этого и не осознавать [Maxwell, 2017].

Однако, на наш взгляд, тот факт, что сами люди по-прежнему идентифицируют себя со славянством, позволяет говорить о наличии славянской идентичности и, следовательно, изучать ее. Здесь нам близка позиция С.А. Иванова, заключающаяся в том, что этничность, в отличие от языка, это не феномен, а ноумен [Иванов, 2008]. Именно чувство сопричастности, самоидентификация делает человека «славянином». Кроме того, современные исторические исследования говорят нам о том, что первоначально этноним «славянин» был самоназванием и способом самоидентификации, и даже представители различных языковых групп могли себя идентифицировать как славян. То есть славянская идентичность изначально могла базироваться не на лингвистическом факторе, а на культурном, в широком смысле этого слова.

Методологические основания и результаты исследования

Методологические основания

В ходе эмпирической части исследования были проведены формализованные интервью. Реализация данного метода была направлена на выявление ценностно-смысловой структуры понятия «славянская идентичность», системы национальных и европейских ценностей, политических, идеологических и идентификационных ориентаций. Опросный лист включал в себя 28 вопросов разного типа – открытых, полуоткрытых и закрытых с применением техник прямого ранжирования и оценочного шкалирования.

При подготовке анкеты-опросника использовались материалы «Всемирного обзора ценностей» (World Values Survey, далее – WVS), опросы «Евробарометра», а также результаты фокус-групп, обобщенные в крупном европейском исследовании [Bruter, 2003].

Особенностью анкеты стало использование графических материалов: 1) географической карты, на которой респондентам предлагалось отметить те страны, которые, по их мнению, являются «славянскими»; 2) фото, на которых изображены два плаката, символизирующих памятную дату – 9 мая. Однако в первом случае фото было посвящено «Victory day» (Дню победы), а во втором Schuman day (Дню Европы). Респондентам предлагалось выбрать, какое из предложенных изображений ассоциируется у них с датой 9 мая.

Анкета-опросник условно содержала в себе 11 смысловых блоков: «Национальность и происхождение»; «Славянские и европейские ценности»; «Позиция по отношению к европейским странам»; «Европеец и славянин “встречаются в баре”»; «Фольклорные книги и песни»; «Культурный бэкграунд»; «Новостные интересы»; «Новостные темы»; «Источники новостей»; «Демографический вопрос»; «Приглашение на интервью». Последний раздел предполагал интерактивную форму, где респонденты, желающие дополнительно пройти интервью, могли оставить свои контакты для связи.

Ссылка на анкету была направлена партнерам в следующие университеты для распространения среди студентов, магистрантов, аспирантов и докторантов: Софийский университет имени Св. Климента Охридского (Болгария, София); Пловдивский уни-

верситет им. Паисия Хилендарского (Болгария, Пловдив); Белградский университет (Сербия, Белград); Нови-Садский университет (Сербия, Нови-Сад).

Выбор географии городов был обусловлен изначальной гипотезой исследования, согласно которой возможна корреляция между уровнем жизни и образования и принятием наднациональной идентичности. Исходя из этого, в выборку по странам должны были входить столичные и провинциальные города. Кроме того, в связи с тем, что репрезентативность выборки изначально не предполагалась, акцент был сделан на православных южных славянах, что позволило минимизировать фактор конфессиональной самоидентификации. Другими словами, в исследовании в абсолютном большинстве принимала участие молодежь, на чье формирование этнической или национальной самоидентификации религиозный фактор не оказывал значимого влияния.

Всего в опросе приняли участие 124 человека. Выборку составили преимущественно жители городов (77%) в возрасте от 18 до 30 лет. Распределение по полу приблизительно равное (48% мужчин против 52% женщин).

Болгария и Сербия были выбраны нами, поскольку первая уже давно является членом Европейского союза (далее ЕС) (с 2007 г.), на государственном уровне и в общественно-политическом дискурсе постоянно подчеркивается ее преданность стратегии евроинтеграции, а вторая подала заявку на вступление в ЕС еще в 2009 г. Процесс интеграции растянулся, а его перспективы пока выглядят неоднозначно, в особенности в свете ситуации международной напряженности последнего времени.

Согласно исследованиям WVS, и Сербия, и Болгария занимают примерно одинаковое место на карте культурных ценностей: обе страны относятся к группе «православных стран», в которых, с одной стороны, преобладают так называемые материалистические ценности, или ценности выживания, а с другой – преобладают секулярные ценности. При этом стоит отметить, что по уровню секулярности общества, согласно карте WVS, Болгария располагается чуть выше Сербии¹.

¹ The new 2022 World Cultural Map has been released. – Mode of access: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSNewsShow.jsp?ID=428> (accessed: 13.02.2023).

Дополнительно было проведено пять глубинных интервью с респондентами из Сербии на платформе ZOOM. Двое респондентов были жителями Нови-Сада, трое – жителями Белграда.

В качестве гипотезы мы выдвинули следующий тезис: в молодежной среде указанных стран зачастую сосуществуют два уровня ценностей, которые условно можно назвать как «европейские» и «национальные», в нашем случае «славянские». Эти ценности лежат в основе формирования двух надындивидуальных идентичностей – «европейской» и «славянской». Безусловно, эти два типа идентичностей могут сосуществовать одновременно, но могут и вступать в конфликт. И в этой плоскости нам стало интересно, как в силу специфики политического курса происходит контролируемое формирование идентичности через определенные образы и символы.

Объектом нашего исследования стала молодежь, которая в своем повседневном жизненном опыте постоянно сталкивается с теми или иными образами и символами, что в итоге влияет и на ее самоидентификацию. Обращение в данном контексте именно к этой возрастной группе не случайно. Молодежь в нашем исследовании рассматривается как политическое поколение – общность людей определенного возраста, имеющих сходные ценности, представления, в том числе о политике и власти, сформированные в процессе первичной политической социализации под влиянием историко-политического и социокультурного контекста его протекания [Политическая социология ... , 2013, с. 129; Селезнева, 2011, с. 24].

Стоит упомянуть, что ЕС прикладывает достаточно большие усилия, проводя «символическую политику», направленную на интеграцию новых членов ЕС (или даже кандидатов) в единое пространство «европейской идентичности». Часть этой политики – внедрение в повседневный опыт жизни граждан образов и символов, стойко ассоциирующихся с Европой [Stoytcheva, 2016]. Например, использование официального флага ЕС, гимна, девиза и даже номерных знаков с символикой единой Европы – все это наполняет повседневную жизнь граждан важными маркерами идентичности [Тен, 2019]. Кроме того, как отмечает Д.В. Ефременко, одним из инструментов конструирования европейской идентичности стала программа ««активного европейского гражданства», направленная на интенсивное вовлечение граждан и НПО в содействие европейской интеграции» [Ефременко, 2018]. Одна из частей

нашего исследования была направлена на выявление того, как происходит процесс формирования идентичности посредством образов и какова его успешность.

Результаты исследования

Результаты опроса, полученные в ходе исследования, позволили выявить следующие ценностно-смысловые доминанты в общественном сознании славянских стран.

Среди молодежи Сербии и Болгарии часто фиксируется одновременное наличие двух компонентов политической идентичности: 1) *Civic components* (идентификация с политической структурой, например, ЕС); 2) *Cultural components* (принадлежность к конкретной группе, например, славянин). При этом можно отметить, что чувство «европейской идентичности» больше свойственно респондентам из стран с более высоким уровнем жизни. Таким образом отчасти подтверждается предположение Р. Инглхарта, согласно которому «высшие социально-экономические классы с большей вероятностью будут идентифицировать себя с постнациональным нарративом Европы» [Ingleheart, 1970; Duchesne, 2008]. Тем не менее данная гипотеза требует дальнейшего уточнения в случае славянских стран.

Большинство опрошенных так или иначе отмечают наличие свойственных славянам характеристик и черт. Среди самых распространенных ответов респонденты называли: «дружелюбность» (80%), «эмоциональность» (65%), «открытость» (62%), «консерватизм» (54%), «щедрость» (45%), «экспрессивность» (40%), «честность» (39%), «коллективизм» (25%). Полученные ответы отчасти совпадают с «идеальной моделью», выявленной в нашем предыдущем исследовании, в рамках которого мы предполагали, что «предварительно можно выделить несколько основных элементов матрицы славянской идентичности, более-менее поддающихся верификации: коллективизм («общинность», неприятие крайнего индивидуализма); отрицание обязательности правил и норм; традиционализм (в противовес инновативности); склонность к холистическому мышлению (когда процесс и связи важнее чем результат)» [Болдин, Страхов, 2020].

Однако в ходе анкетирования респонденты отмечали и некоторые негативные характеристики, присущие славянской идентичности. Например, 35% опрошенных отметили «бедность», как черту, свойственную славянам, 25% – «разобщенность», 22% – «враждебность», а 20% отметили, что со славянами «сложно иметь дело».

Большинство опрошенных видят «европейцев» «дисциплинированными» (54%), «индивидуалистами» (52%), «богатыми» (47%), «инноваторами» и «прагматиками» (38%). Все эти характеристики так или иначе противопоставлены «славянским». Однако в ходе глубинных интервью респонденты отмечали, что у «европейцев» неплохо бы было перенять такие черты, как «дисциплинированность» и «организованность». Один из респондентов дал следующий показательный ответ: «В бизнесе нужно быть европейцем, а в жизни – славянином». Это еще раз подтверждает гипотезу о наличии двух компонентов, «уровней» в идентичности славянской молодежи.

Большую роль в формировании идентичности играют образы и символы, часто наблюдаемые в повседневном опыте. Так, например, для молодежи Болгарии 9 мая уже практически полностью ассоциируется с Днем Европы (Schuman day), так как его символы они видят ежегодно в канун этой даты. Для молодежи Сербии 9 мая по-прежнему в большинстве случаев ассоциируется с Днем Победы (Victory day).

Если говорить о символах «славянского единства», или «славянской идентичности», то в отличие от символов Европы и «европейской» идентичности, они практически полностью отсутствуют в публичном пространстве. Так, например, в ходе глубинных интервью респондентам показывали два флага – ЕС и панславистский флаг. И если первый был знаком абсолютно всем и вызывал различные ассоциации (от негативных до позитивных), то второй – практически незнаком никому из опрошенных (в лучшем случае возникали ассоциации с Югославией). То же самое касается остальных символов: так, гимн ЕС, банкноты евро, плашки автомобильных номеров с флагом ЕС встречаются респондентами ежедневно, и они привыкают к этим символам, которые формируют их персональный опыт, становятся частью их идентичности. Славянские символы подобного рода им практически полностью неизвестны. Среди общих славянских символов назывались либо религиозные символы (в основном византийское наследие, что ха-

актерно для православных стран), либо природные. Однако эти символы, в отличие от символов ЕС, являются достаточно аморфными и мало влияют на повседневный опыт, а следовательно, не формируют устойчивых ассоциаций.

Большое значение для восприятия «европейской идентичности» имеет влияние персонального опыта «соприкосновения с Европой» на повседневную жизнь граждан. Для большинства молодежи «европейский путь» ассоциируется, прежде всего, с социально-экономическими предпочтениями: возможностями путешествовать, работать и учиться за рубежом, повысить свой уровень жизни. Европейский проект привлекателен прежде всего социально-экономическими возможностями. ЕС известен молодежи благодаря программам стажировок, образования, туризма, чем создает для них привлекательную и понятную модель. При этом никто из респондентов не знает ни о каких инициативах межстранового славянского сотрудничества ни в сфере экономики, ни в сфере образования и туризма, хотя опрошенные высказывали заинтересованность.

Наблюдается четкая корреляция между источниками информации, которыми пользуются респонденты, и их отношением к европейскому проекту. Таким образом, мы можем сказать, что СМИ во многом формируют «образ Европы». Чем больше новостная повестка посвящена «общеевропейским» новостям, а не локальным, тем больше чувствуется некая сопричастность к общим вызовам и проблемам. «Славянская» повестка в медиаполе изучаемых стран практически отсутствует. В итоге некоторые респонденты уже не всегда представляют ареал славянских народов и на предложенной нами интерактивной карте включали в славянские народы Румынию, Латвию, Литву, Венгрию. При этом все эти страны – члены ЕС. Возможно, о них респондентам известно больше, чем о других странах, принадлежащих к славянскому ареалу.

Выводы

В целом можно сделать вывод, что несмотря на то что все респонденты отмечают некое единство между славянами (культурное, языковое, историческое), идеи славянской солидарности или возможность славянского объединения им представляются

крайне туманными. И прежде всего из-за того, что респонденты не видят экономических перспектив подобной интеграции. Превалирующие в сознании молодежи материалистические ценности ведут к доминированию прагматичного взгляда на жизнь и на выстраивание соответствующего типа взаимоотношений. Даже столь значимый для южных Балканских стран религиозный фактор, который помимо истории, культуры и языковых корней роднит наши страны, отходит на второй план. На первом плане – учеба, работа, возможность путешествий, т.е. ценности, связанные с перспективами членства в ЕС. При этом славянские страны (в том числе Россия) предпринимают крайне мало усилий, чтобы использовать общий культурно-языковой потенциал. Респонденты не знают ни одной программы студенческого обмена или стажировок, а интерес к общему прошлому остается на уровне фольклора. ЕС, напротив, проводит активную политику формирования идентичности, чувства сопричастности к «общеевропейскому дому» с помощью образов, символов и понятных «прагматических» предпочтений, которые сулят сотрудничество. Однако все чаще среди респондентов (в особенности на Балканах) фиксируется определенный рост уровня евроскептицизма. Возможно, это могло бы стать подспорьем для активизации экономических и культурных программ со странами региона, что в будущем позволило бы обсуждать иные формы интеграции славянских стран. Однако сейчас следует констатировать, что без подкрепления «прагматическими» и понятными социально-экономическими предпочтениями славянская идея потеряла свою актуальность для молодежи, оставаясь скорее культурным феноменом, хотя и не лишенным политического потенциала в будущем.

Как уже было сказано, выборка, на которой проводилось исследование, не претендовала на репрезентативность даже внутри анализируемых стран, не говоря уже о других странах Восточной Европы. Однако результаты, полученные в Болгарии и Сербии – странах, максимально приближенных к нашей стране по «славянскому фактору» и по конфессиональному признаку, позволяют констатировать, что сегодня «славянская идея», а также общеславянская идентичность утрачивают прежнее идейно-теоретическое и ценностно-смысловое наполнение. Европейский союз принял на себя роль центра консолидации, который раньше был у России. Об этом говорит даже тот факт, что почти половина славянских стран

(шесть из 13) являются членами ЕС, а Сербия, Северная Македония, Босния и Герцеговина, Украина и Черногория выражают желание присоединиться. То есть идеи «славянского мира» пока все еще живут только в России и Беларуси.

В связи с этим возникает вопрос – с чем связан подобный геополитический и цивилизационный выбор славянских стран, даже традиционно дружественных России (например, Сербии)? Является ли это сугубо прагматичным ходом, обусловленным экономическими выгодами? Или же можно говорить о смене ценностной матрицы и идеологической трансформации, произошедшей в общественном сознании населения славянских стран, которые уже ощущают себя гораздо более европейцами, нежели славянами (оставляя пока за скобками вопрос «а существует ли “единая Европа”»)? Можно ли говорить о том, что идеи славянской солидарности и идентичности, сильные в XIX – начале XX в., и в наши дни наполняются прежним идейно-теоретическим и ценностно-смысловым содержанием? Это вопросы, на которые еще предстоит найти ответы.

V.A. Boldin, I.S. Palitay, A.F. Yakovleva*

**Slavs or Europeans? The youth of Bulgaria and Serbia
in the context of ideological and value transformations of identity**

Abstract. The article presents part of the pilot study results that solve the issue of identifying key images, values and symbols forming the Slavic identity of the youth in Russia and Eastern European countries. It depends on how meanings and values that have different levels and orientations – «universal», «pan-European», or «national» — coexist (or conflict with one another) in a particular society. Slavs are one of the largest ethnolinguistic communities in Europe, and they have rich ancient history of interaction with one another and with other peoples. The article reflects the debatable nature of the question of the proper way to investigate Slavic identity. In addition to the theoretical part of the study, the authors conducted formalized interviews with the youth of Serbia and Bulgaria, aimed at identifying the value-semantic structure of the «Slavic identity» concept and the system of national and European values, political, ideological and iden-

* **Boldin Vladimir**, State academic university for the humanities (Moscow, Russia), e-mail: boldin.v.a@gmail.com; **Palitay Ivan**, State academic university for the humanities (Moscow, Russia), e-mail: 8321532@gmail.com ; **Yakovleva Alexandra**, State academic university for the humanities (Moscow, Russia), e-mail: afyakovleva@gmail.com

tification orientations. The object of the study comprises the youth of the two countries, who in their daily experience constantly face particular images and symbols, ultimately affecting their self-identification. As a hypothesis, the following thesis is put forward: among the youth of these countries, two levels of values often coexist, «European» and «national», in this case, «Slavic». The pilot study reveals that without the reinforcement of «pragmatic» and understandable social and economic preferences, the Slavic idea is not relevant and is not comprehensible for young people, remaining a cultural phenomenon, although not devoid of political potential in the future.

Keywords: Slavic identity; values; meanings; symbols; Serbia; Bulgaria; identity transformation.

For citation: Boldin V.A., Palitay I.S., Yakovleva A.F. Slavs or Europeans? The youth of Bulgaria and Serbia in the context of ideological and value transformations of identity. *Political Science (RU)*. 2023, N 2, P. 234–253. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.10>

References

- Achkasov V.A. Identity politics in the modern world. *Vestnik of Saint Petersburg University. International relations*. 2013, N 4, P. 71–77. (In Russ.)
- Béland D. Identity, politics, and public policy. *Critical policy studies*. 2017, Vol. 11, N 1, P. 1–18.
- Bernstein M. Identity politics. *Annual review of sociology*. 2005, N 31, P. 47–74.
- Boldin V.A. *Pan-Slavic political concepts: genesis and evolution*. Moscow, 2018, 376 p. (In Russ.)
- Boldin V.A., Strakhov A.B. Metamorphoses of “Slavic identity”: what allows us to talk about it and study it? *Polylogos*. 2020, Vol. 4, N 4. DOI: <https://doi.org/10.18254/s258770110012806-8> (In Russ.)
- Brodovskaya Ye.V. The Transformation of the value orientations as a factor of democratic transition in the post-communist countries: the experience of the theoretical understanding. *RUDN journal of political science*. 2010, N 3, P. 83–93. (In Russ.)
- Brubaker R., Cooper F. Beyond «Identity». *Theory and society*. 2000, N 1, P. 1–47.
- Bruter M. On what citizens mean by feeling 'European': perceptions of news, symbols and borderless-ness. *Journal of ethnic and migration studies*. 2003, Vol. 30, N 1, P. 21–39.
- Dorđević V., Čejka M., Mocek O., Hrabálek M. Beyond Contemporary Scholarship and toward Exploring Current Manifestations of Pan-Slavism. *Canadian-American Slavic Studies*. 2021, Vol. 55, N 2, P. 147–159. DOI: <https://doi.org/10.30965/22102396-05502005>
- Dorđević V., Suslov M., Čejka M., Mocek O., Hrabálek M. Revisiting Pan-Slavism in the contemporary perspective. *Nationalities papers*. 2022, N 0, P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1017/nps.2022.75>
- Duchesne S. Waiting for a European identity... Reflections on the process of identification with Europe. *Perspectives on European politics and society*. 2008, Vol. 9, N 4, P. 397–410. DOI: <https://doi.org/10.1080/15705850802416796>

- Efremenko D.V. Historical memory and supranational identity. The case of the European Union. In: *Methodological issues of studying memory policy*. Moscow, 2018, P. 110–126. (In Russ.)
- Erikson E. *Identity: youth and crisis*. Moscow: Flinta, 2006, 352 p. (In Russ.)
- Evgenyeva T.V., Titov V.V. Nation-State Identity Formation of the Russian Youth. *Polis. Political studies*. 2010, N 4, P. 122–134. (In Russ.)
- Evgenieva T.V. (eds). *Political sociology*. Moscow: ROSSPEN, 2013, 520 p. (In Russ.)
- Evgenyeva T.V. Socio-psychological aspects of the formation of the national-state affiliation of Russians in the post-Soviet period. *Actual problems of modern psychology*. Moscow: RIOR, 2010, P. 25–38. (In Russ.)
- Fedotova V. Mechanisms of value changes in society. *Bulletin of the Russian humanitarian science foundation*. 2011, N 4, P. 56–65. (In Russ.)
- Hall M., Jackson P.T. *Civilisational identity: the production and reproduction of "civilisations" in international relations*. New York: Palgrave Macmillan, 2007, 242 p.
- Ingleheart R. Cognitive mobilization and European identity. *Comparative politics*. 1970, Vol. 3, N 1, P. 45–70.
- Ivanov S.A. "In the shadow of Justinian's forts?" F. Curta and paradoxes of the early Slavs' ethnicity. *Studia slavica et balcanica petropolitana*. 2008, Vol. 4, N 2, P. 5–12. (In Russ.)
- Katsis L.F., Odessky M.I. "Slavic reciprocity". *Model and topic*. Moscow: Regnum, 2011, 314 p. (In Russ.)
- Kazarinova D.B. Pan-Slavism for contemporary Russia: historical utopia or geopolitical challenge? *RUDN journal of political science*. 2018, Vol. 20, N 4, P. 624–629. (In Russ.)
- Leskinen M.V. Slavic unity: from linguistic and cultural classification to political mythologization. *Slavic studies*. 2013, N 6, P. 52–61. (In Russ.)
- Malakhov V. Discomfort with identity. *Questions of Philosophy*. 1998, N 2, P. 43–53. (In Russ.)
- Malinova O. Yu. Symbolic politics: contours of the problem field. In: *Symbolic policy. Vol. 1: Constructing ideas about the past as a power resource*. Moscow: INION RAS, 2012, P. 5–16. (In Russ.)
- Maxwell A. *Choosing Slovakia: Slavic Hungary, the Czechoslovak language and accidental nationalism*. London: I.B. Tauris, 2009, 288 p.
- Mead G.H. *The philosophy of the act*. Chicago: University of Chicago, 1938, 770 p.
- Popova O. Development of Political Identity Research in Russian Political Science. *Political Expertise: POLITEKS*. 2013, N 2, P. 205–219. (In Russ.)
- Savitski A. What does it mean to be a Slav in today's world? The problem of modern Slavic identity. *Philosophical polylogue*. 2017, N 2, P. 7–16. (In Russ.)
- Selezneva A.V. Political and psychological analysis of the political values of modern Russian citizens: generational cross-view. *Tomsk State University journal of philosophy, sociology and political science*. 2011, N 3, P. 22–33. (In Russ.)
- Semenenko I.S. et al. (eds). *Identity as a Subject of Political Analysis. Collection of articles on the results of the All-Russian scientific-theoretical conference*. Moscow: IMEMO RAN, 2011. (In Russ.)

- Semenenko I.S. Identity politics in the context of ethno-cultural diversity: a new agenda", In: Semenenko I.S. (ed.). *Identity: Personality, society, politics. Encyclopedic edition*. Moscow: Ves Mir Publishing House, 2017, P. 102–112. (In Russ.)
- Shcherbinin A.I., Shcherbinina N.G. The Slavic world as a political construct. *Rusin*. 2015, N 4, P. 37–53. (In Russ.)
- Smith A. *Ethno-symbolism and nationalism: a cultural approach*. New York: Routledge, 2009, 192 p.
- Smith A.D. *National Identity*. London: Penguin books, 1991, 227 p.
- Solovyov A.I. The state as a policy maker. *Polis. Political studies*, 2016, N 2, P. 90–108. (In Russ.)
- Stoytcheva M. *European identity: theoretical dilemmas and analytical approaches*. Sofia: University edition "St. Kliment Ohridski", 2016, 368 p. (In Bulg.)
- Suchanek L. Slav identity. History and the present. *Slavonic culture. Annual review of the PAU commission on the culture of the Slavs*. 2017, Vol. 13, P. 53–69. DOI: <https://doi.org/10.4467/25439561ksr.17.004.7874> (In Russ.)
- Telin K.O., Filimonov K.G. Identity gaps: how and why the nation eludes the state. *Sociological review*. 2020, N 1, P. 35–73. DOI: 10.17323/1728–192 x-2020–4-35–73 (In Russ.)
- Ten Y.P. Symbolic policy of the EU identity development: interpretation experience. *Communicology*. 2019, Vol. 7, N 1, P. 54–65. (In Russ.)
- Tishkov V. *Russian people: the history and meaning of national identity*. Moscow: Nauka, 2013, 649 p. (In Russ.)
- Titov V.V. National and state identity as a space of political senses and images. *Bulletin of the Tula University. Humanities*. 2017, N 1, P. 42–54. (In Russ.)
- Zagorov O. *Slavic spirituality is the cultural code of the Bulgarian national identity*. Sofia: Academic publishing house "For the letter – About writing", 2020, 228 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Ачкасов В. Политика идентичности в современном мире // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. – 2013. – № 4. – С. 71–77.
- Болдин В.А. Панславистские политические концепции: генезис и эволюция / под общей ред. А.А. Ширинянца. – М.: Аквилон, 2018. – 376 с.
- Болдин В.А., Страхов А.Б. Метаморфозы «славянской идентичности»: что нам позволяет говорить о ней и изучать ее? // Полилог / Polylogos. – 2020. – Т. 4, № 4. – DOI: <https://doi.org/10.18254/s258770110012806-8>
- Бродовская Е. Трансформация ценностных ориентаций как фактор демократического транзита в странах посткоммунистического пространства: опыт теоретического осмысления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2010. – № 3. – С. 83–93.

- Евгеньева Т., Титов В. Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 4. – С. 122–134.
- Евгеньева Т.В. Социально-психологические аспекты формирования национально-государственной идентичности россиян в постсоветский период // Актуальные проблемы современной политической психологии. – М.: РИОР, 2010. – С. 25–38.
- Ефременко Д.В. Историческая память и наднациональная идентичность. Случай Европейского Союза // Методологические вопросы изучения политики памяти. – 2018. – С. 110–126.
- Загоров О. Славянская духовность – культурный код болгарской национальной идентичности. – София: Академическое издательство «За буквите – О писменехъ», 2020. – 228 с.
- Иванов С.А. "В тени Юстиниановых крепостей"? Ф. Курта и парадоксы раннеславянской этничности // *Studia slavica et balcanica petropolitana*. – 2008. – № 2 (4). – С. 5–12.
- Казаринова Д.Б. Панславизм для современной России: историческая утопия или геополитический вызов? // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2018. – Т. 20, № 4. – С. 624–629.
- Кацис Л.Ф., Одесский М.И. «Славянская взаимность». Модель и топика. – М.: Regnum, 2011. – 314 с.
- Лескинен М.В. Славянское единство: от лингво-культурной классификации к политической мифологизации // *Славяноведение*. – 2013. – № 6. – С. 52–61.
- Малахов В. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. – 1998. – № 2. – С. 43–53.
- Малинова О.Ю. Символическая политика: контуры проблемного поля // Символическая политика. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – С. 5–16.
- Политическая социология / под ред. Т.В. Евгеньевой. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 520 с.
- Попова О. Развитие исследований политической идентичности в отечественной политической науке // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2013. – № 2. – С. 205–219.
- Савицкий А. Что значит быть славянином в современном мире? // Философский полилог. – 2017. – № 2. – С. 7–16.
- Селезнева А.В. Политико-психологический анализ политических ценностей современных российских граждан: поколенческий срез // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2011. – № 3. – С. 22–33.
- Семененко И.С. Идентичность в предметном поле политической науки // Идентичность как предмет политического анализа / отв. ред. И.С. Семененко, Л.А. Фадеева / РАН. ИМЭМО. – М., 2011. – С. 8–12.
- Семененко И. Политика идентичности в условиях этнокультурного многообразия: новая повестка дня // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. – М.: Издательство «Весь мир», 2017. – С. 102–112.

- Соловьёв А.И. Государство как производитель политики // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 2. – С. 90–108.
- Телин К.О., Филимонов К.Г. Пробелы идентичности: как и почему нация ускользает от государства // Социологическое обозрение. – 2020. – № 1. – С. 35–73. – DOI: 10.17323/1728–192 x-2020–4-35–73
- Тен Ю.П. Символическая политика конструирования идентичности Европейского Союза: опыт интерпретации // Коммуникология. – 2019. – Т. 7. – № 1. – С. 54–65.
- Титов В. Национально-государственная идентичность как пространство политических смыслов и образов // Известия Тульского университета. Гуманитарные науки. – 2017. – № 1. – С. 42–54.
- Тишков В. Российский народ: история и смысл национального самосознания. – М.: Наука, 2013. – 649 с.
- Федотова В. Механизмы ценностных изменений общества // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2011. – № 4. – С. 56–65.
- Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Славянский мир как политический конструкт // Русин. – 2015. – № 4. – С. 37–53.
- Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Флинта, 2006. – 352 с.
- Suchanek L. Славянская идентичность – в истории и в наше время // Kultura Słowian. Rocznik Komisji Kultury Słowian PAU. – 2017. – Т. 13. – С. 53–69. – DOI: <https://doi.org/10.4467/25439561ksr.17.004.7874>